

РОДНАЯ РѢЧЬ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ГАЗЕТА.

№ 20.

— ➔ Воскресенье, 2-го июня. ⚡ —

1902 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ доставкой и пересылкой на годъ 3 руб., на 6 мѣс.
■ руб., на полгода 1 р. 50 к., на 4 мѣсяца 1 руб.,
Отдельный номеръ — 10 коп. За перемѣну адреса
взимается 25 коп.

РЕДАКЦІЯ И КОНТОРА:

Москва, Рождественка, Варсонофьевскій м., д. № 4.
Открыта въ будніе дни съ 10 ч. утра до 4 ч. дня.
По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ закрыта.

ЦѢНА ОБЪЯВЛЕНІЙ:

за строку непрерывно въ одинъ столбецъ въ журналѣ
60 к., въ газетѣ 30 к.
За приложение отдельнаго объявления взимается по
10 руб. съ тысячи экземпляровъ.

нута из угодья, иконы и предметы богослужения убрать в чулан и читать о чертихах с фонарями или устроить танцевальные вечера для „развлечения“. Вообще подобные „задвигающиеся“ церкви—это выдумка интеллигентов и разных благотворительниц. Когда людям даже непонятно чувство уважения к чьей молитвы, к святыне! Видь они ни во что это не втрууть...

* *

Удивительно, как современное „общество“ из всего крайне легкомысленно и пошло делает предмет забавы, развлечения и спорта.

Катастрофа на о. Мартиник послужила поводом к нападкам. Первые пароходы, которые возвратились из Сент-Пьера, были покрыты вулканическим пеплом. Развесила этот пепел в пузырьки и продавала маленький пузырек „настоящего вулканического пепла“ в Нью-Йорк по 50 центов (1 руб.). Появился керокушники и кна на пепел выросла до 2 долларов пузырька. Распродали несколько десятков тысяч этих пузырьков и сейчас появился спрос на „подлинную лаву Мартиника“ и на „настоящий вулканический пепел с горы Пелен“. Американский пепел делают из каменной брекчи, брома, серы и проч.

Современная пустота шутить даже с гифовым Вождем и призраками смерти...

* *

Что за нерусский город Петербург! Образовалось там „русское общество“, и вот уже почти главные члены его уже опасаются, как бы им думать чего? чтобы, сохрани Бог, не усилились как-нибудь черезчур патристические чувства. Так говорит Заратустра, Ва. Соловьев! Но этот Заратустра мало ли что говорить. Он был и во главе еврейских денуаций, и призывал нас в лоно католической церкви... Стоить припомнить ход нашей литературы, чтобы эта опасность показала сжисшими.

„Литература обличала русскую жизнь с полным безпристрастием“. Показательный выставил свою буре и карал ее. Достоевский давал нам поразительные портреты обитателей натуры, убийц и обманщиков общины, Лев Толстой возмущал перед нами нечестную клику грубой и узкой деревенской жизни, Гоголь—чуждость, Тургенев и Гончаров изображали нам пустоту былого жонглирования быта, в Островской—темное царство замкнутых художества. Каждый из этих вносил свою долю обличения в общую массу русского художественного изображения. Сатира Некрасова бичует. Салтыков изображал в тених стороне некая сословий. Зисович и Чехов заглядывали художественно и высмеивают военных и т. д.

Начинал с Кантемира и Капниста, все „бичуют“ и все будто бы сквозь „невидимых слезы“. Слезы „невидимы“ а видимо, особенно

Среди газет.

По поводу напечатанной у нас („Родн. Рвч.“ № 15) заметки о чествовании памяти Гоголя в нивалидном доме в Кобелянках появилось опровержение, что чтение с гуганскими картинками происходило не в церкви, а в библиотеке-читальни.

Собственно церкви в нивалидном доме принадлежат алтарь и солея, отдаленные от остального помещения ширмами, которыми закрываются во время богослужения. И по прена чтение Гоголя алтарь с иконостасом был отлучен от библиотеки ширмами. Сделания изображения были убраны, также предметы богослужения обихода.

Во всяком случае это из вышестоящего несприлично. И что за библиотека-читальня с ширмочками. Алтарь с иконостасом задви-

въ послѣднее время, только одно: полная оторванность отъ Россіи, нелюбовь и глубокое презрѣніе къ ея духовнымъ запросамъ, и стремленіе передѣлать ее по своему образу и подобию...

* *

Одинъ газетчикъ задалъ вопросъ: есть ли положительные типы въ нашей текущей литературѣ и въ какой средѣ находить ихъ авторы.

Выкинуть три-четыре произведенія Пушкина и первой манеры Толстого, мы увидимъ все типы отрицательные: нѣтъ сословій, среды, на которой остановиться остановился бы русскій авторъ. Каренины, Вронскій,—иногда отрицательные типы, такъ же, какъ и весь романъ. Жизнь купцовъ ужасна, жизнь крестьянъ изображаютъ въ самомъ мрачномъ видѣ и только въ смыслѣ отсутствія читальни и голубовки. Ни въ какомъ сословіи автору нелегко взять даже положительное. Послѣ „Власти Тьмы“ и „Мужиковъ“ Чехова—изъ крестьянъ также...

Остаются каторжники Достоевскаго и Толстого, сахалинцы, босики да учителя (но только сельскіе, земскіе) и учительницы, да развѣ студентъ, курсистка... Пожалуй, двѣ-три „Мальчи“ да парочка „Чудръ“... Этихъ еще можно взять героями.

* *